

В одной из крупнейших в Европе русских библиотек — библиотеке Толстовского фонда в Мюнхене состоялся авторский вечер писателя Вадима Перельмутера.

Бывший москвич, живущий ныне в Мюнхене, познакомил слушателей с разными жанрами своего творчества — стихами, эссе, переводами и книжными иллюстрациями. Рассказал он также и о своей поистине подвижнической работе: выведение из литературного небытия и забвения русских писателей, тех, кто был незаслуженно забыт, а также и тех, по комкатком прошлась жестокая эпоха идеологических табу, доносившего, поиска врагов... На встрече также демонстрировались десятки книг, как произведений писателя, так и составленных и изданных с его помощью. Были представлены и графические работы автора.

Свой вечер Вадим Перельмутер озаглавил: «Пятьдесят лет литературы». Именно столько лет охватывают его разнообразные литературные занятия.

После вечера я задал Вадиму несколько вопросов.

— В середине 60-х вы работали в газете «Московский комсомолец». Я знаю, что, живя ныне в Мюнхене, вы часто бываете в Москве, заходите в редакцию «МК». Можете ли сравнить тогдашнюю, полувекковой давности, творческую атмосферу редакции — и нынешнюю?

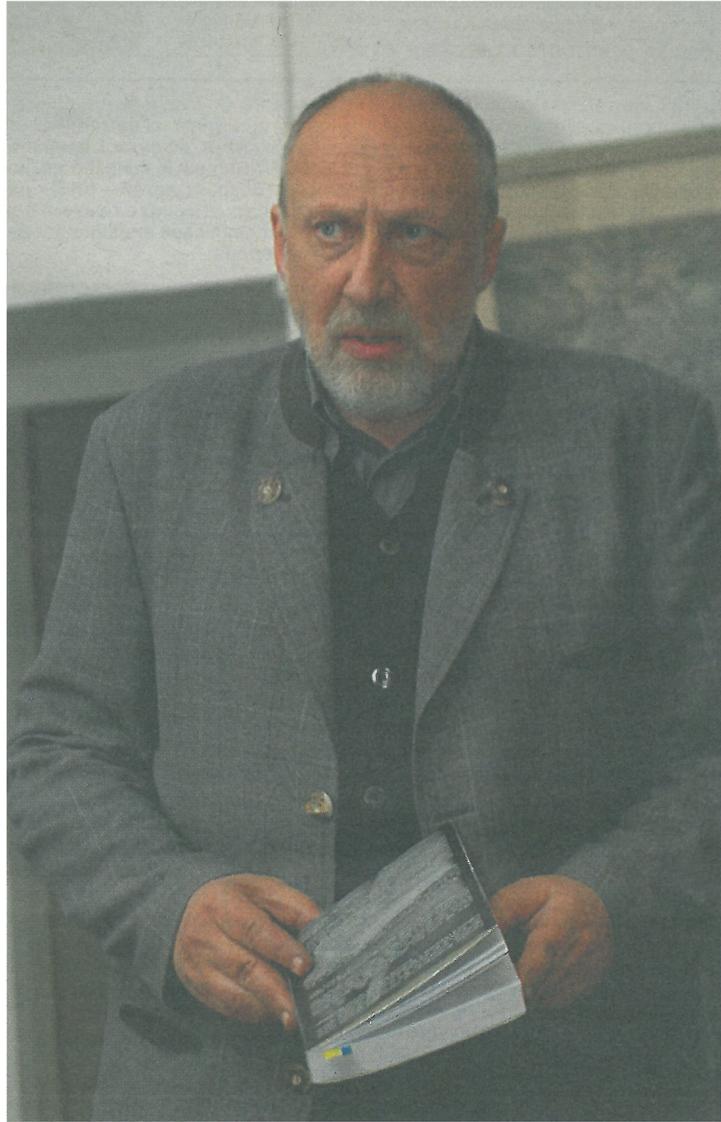
— Естественно, газета изменилась, как изменился мир. Самое простое, Москва (и «Московский») есть, а «комсомолец» (и комсомола) нет. Там и сейчас работает мой многолетний друг Сергей Бычков, знаю и некоторых других, среди них — ученики моего друга, замечательного поэта и первокурсного журналиста Александра Аронова. И, по-моему, прекрасно, что нынешний год — год его 80-летия — «МК» объявил «Годом поэзии» и будет регулярно знакомить читателей с поэзией Аронова.

Я проработал там недолго — 1965-66 годы. Но попал, по счастью, в один из самых ярких периодов в истории газеты — когда возглавлял ее Алексей Иванович Флеровский. Он был сыном участника революционных событий, начиная с 1905 года (из немногих, кому повезло уцелеть в 30-х и 40-х годах), а впоследствии известного журналиста и публициста. И вырос в «Доме на набережной». Талант не наследуется, он — штучный, но хватку журналистскую Алексей Иванович, думаю, унаследовал от отца. Он был очень хорошим — и очень талантливым редактором газеты. И собрал в газету очень талантливых людей. Я пришел в отдел литературы, во главе которого стоял Евгений Сидоров, он вскоре ушел в «Юность», потом был проректором Литературного института, министром культуры при Ельцине, постоянным представителем России в ЮНЕСКО. Мы и по сию пору сохранили дружеские отношения, с удовольствием встречаемся в Москве. Коллегой моим по отделу был Эмиль Коган — будущий профессор Сорбонны. Отдел студенческой молодежи возглавлял Евгений Аверин, будущий «главный» в «Книжном обозрении» 80-90-х годов, у него в отделе начинала карьеру Татьяна Иванова — «звезда» «Огонька» Коротича. Там же ключевую позицию занимал еще один выходец из «МК», Владимир Чернов — через его руки проходили лучшие публикации тех лет. С Володей мы дружили почти полвека, до самой его внезапной смерти в прошлом году. Он вскоре после Коротича возглавлял «Огонек», потом создал и возглавил, как принято теперь говорить, несколько журнальных проектов, наиболее известные из которых — «Караван историй» и «Story», последнее его детище.

В общем, кого ни назови... Виктор Липатов, журналист и писатель, в дальнейшем — глава «Юности». Поэт Вадим Черняк. Заведующий отделом науки Юрий Дружников — автор первого реального исследования истории о Павлике Моро-

«Я ПО-ПРЕЖНЕМУ К «МК» НЕРАВНОДУШЕН»

Поэт, историк литературы, эссеист и журналист Вадим Перельмутер начинал свою творческую биографию в редакции «Московского комсомольца»

зове, прозаик, в 80-х — профессор Калифорнийского университета. О Сахе Аронове я уже сказал, назову и двух, вероятно, самых известных его учеников — Юрий Щекочихин и Лев Новоженков...

И это все — «МК». Газета шла нарасхват — из киосков по утрам исчезала наперегонки с «Советским спортом». В каждом номере было что почитать. Бывали и настоящие сенсации — с долгим, до наших дней докатившимся эхом. Взять хотя бы историю с печально знаменитым проектом поворота северных рек. Первое обсуждение проекта состоялось в Академии наук. Журналисты всех ведущих московских газет получили приглашения, но... главных редакторов предупредили, что публиковать ни строки об этом обсуждении ни в коем случае нельзя. А Флеровского предупредить забыли. Он дождался двух журналистов, бывших на обсуждении, и сообщил им, что они — вместе с ответственным секретарем газеты — остаются в редакции на ночь, он придет к шести утра и подпишет разворот — две страницы — в печать. Скандал был оглушительный. И с него-то и началось медленное, но верное крушение злополучного проекта. С этого же момента, по моему, газета попала под пресс «особого внимания» — и несколько месяцев спустя Флеровского из нее «убрали»...

Ныне, разумеется, атмосфера иная, так сказать, другой режим существования газеты. Но мне представляется, что и сейчас она сохраняет, как бы точнее сказать, «генетический код», что ли, той, прежней атмосферы, ее дыхание... Есть и «знаки» — приходишь в редакцию и видишь: напротив дверей

в ресторан — портрет Саши Аронова, хорошо место выбрано, ведь он и в ресторанах знал толк...

И я по-прежнему к «МК» неравнодушен. И рад, что он и сегодня в фокусе внимания, подчас, впрочем, небезопасного...

— Там и была ваша первая публикация?

— Нет, первая публикация была в Риге — перевод стихов Ояра Вацетиса. Теперь, посмертно, он — классик, не так давно вышло собрание его сочинений в восьми томах. А в «МК» я дебютировал как журналист и критик. Не скажу, что это было «школой», скорее —обретение опыта, бесценного опыта, который помог мне выжить в трудные годы, когда я лет пятнадцать мог прокормиться только журналистикой.

— Вы закончили Литературный институт имени Горького. Это на самом деле «кузница литературных кадров», как некоторые считают?

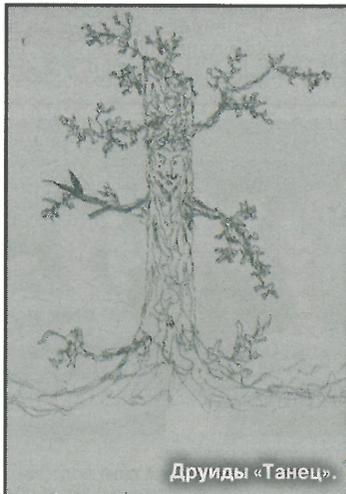
— Они ошибаются. «Литературные кадры» не «куются». Писателями рождаются. Как рождаются математиками, музыкантами, художниками. Те, кто поступают в институт, чтобы «выучиться на писателя», понапрасну тратят время своей жизни. Не случайно ведь первое учебное заведение такого рода, созданное Брюсовым, чей опыт потом был «взят за основу» Горьким, именовалось Высшими литературными курсами. Сюда приходят молодые писатели — учиться всему тому, что может им впоследствии пригодиться в работе. Не только «наукам» — истории, философии, лингвистике и так далее, но и общению с себе подобными — профессионализму, этике, толерантности. Я сказал «профес-

сионализм», будучи убежден, что сочетание «профессиональный писатель» — нелепость, я имею в виду — всего лишь профессиональное отношение к своему делу.

В институте, по совету Ильи Сельвинского, я пошел в семинар к его бывшему ученику Сергею Наровчатому. Он был великолепно начитан, блестяще знал поэзию, понятно, не только русскую, обладал хорошо развитым вкусом и был готов принять любую творческую манеру — при единственном необходимом условии: таланте автора. Ему, конечно, скучно было бесконечно читать и обсуждать недозрелые «студенческие» стихи, на семинарах он отводил сему делу не более трети времени, остальное — беседы и встречи. По его приглашениям к нам приходили Семен Липкин и Арсений Тарковский, «последний акмеист» Михаил Зенкевич и Евгений Винокуров, Давид Самойлов и Борис Заходер...

Естественно, моим товарищам по институту хотелось печататься. А с этим было, мягко говоря, трудно. То есть — чем талантливей, тем трудней. Но про «общие места» тогдашней литературной ситуации мы говорить не будем. Лучше расскажу про один из редких «счастливых случаев».

Мой сокурсник и друг, прозаик Анатолий Ким, как-то раз, возвращаясь домой, увидел сидящего на подоконнике лестничной площадки Смоктуновского. Поздоровался, ушел к себе. Через полчаса выглянул — та же картина. Спросил — кого ждешь. Тот ответил, что живущую этажом ниже тещу (некогда знаменитую артистку Еврейского театра, любимицу Михоэлса, Этель Каминскую), вот, привез ей из Питера копченую салаку и ждет. Толя позвал его к себе — ждешь, а заодно и чаю попить. Разговорились. Иннокентий Михайлович поинтересовался — чем занимается хозяин? «Пишу рассказы», — ответил Ким. «Почитайте!»

Друиды «Танец».

Кончилось дело тем, что Смоктуновский увел с собой несколько рассказов и отдал их своему приятелю, прозаику Глебу Горышину, главному редактору журнала «Аврора». Там и состоялся дебют Кима — два рассказа.

— Вы были одним из создателей в 1978 году журнала «Литературная учеба». Мне тогда казалось, что журнал был открыт для смелых для того времени публикаций.

— Да, это был совсем не тот, созданный Горьким в 1930-м, журнал. Мы, пять человек, начали этот журнал буквально с нуля. Конечно, там проходили и спорные вещи. Это связано было и с личностью главного редактора Александра Михайлова. Он был из поморов, фронтовик. И вот этот дух поморской вольницы, очевидно, как-то сказывался и на отборе материала. В журнале я проработал 15 лет. Это были хорошие годы. Думаю, вернее,

надеюсь, что в 90 номерах журнала, вышедших за этот срок, наберется немало такого, что имеет шансы остаться в истории литературы.

Журнал не только брал у меня и коллег время, силы, подчас и нервные клетки, но иногда и одаривал каждого из нас. Ну, например, живущий теперь в Галле мой друг и мой любимый современный поэт-авангардист Сергей Бирюков приехал в самом начале восьмидесятых из Тамбова ко мне в редакцию, мне удалось напечатать его стихи — впервые! Публикация в «Литературной учебе» подтолкнула к выходу его первую книгу... Ныне он — автор полутора десятков книг, наша дружба не пылится вот уже четвертое десятилетие, совсем недавно мы и книжку — впервые — совместную сотворили...

Авантитул книги «Сонеты» Шекспира, «Болдинская осень» из серии «Мой Пушкин» (Москва, 2004).

— Вы занимались и переводами...

— Живя некоторое время в Латвии, я переводил на русский язык стихи латвийских поэтов. Сдружившись в восьмидесятых с Арменией, перевел и опубликовал довольно много стихов своих тамошних сверстников. Есть у меня и переводы, сделанные некогда для антологии австрийской поэзии XIX-XX-го веков — Альма Иоганна Кёниг, Эрнст Вальдингер, Кристина Буста, Эрнст Шёнвизе.

— Помимо составления и издания книг таких забытых и полужабытых русских писателей как Георгий Шенгели, Аркадий Штейнберг, Константин Случевский, Сергей Шервинский, 6-томного собрания сочинений Сигизмунда Кржижановского, вы издали и весьма необычную книгу Хлебникова, который и в Советском Союзе никогда не был «забытым». По каким критериям подходите к выбору того или иного автора?

— Тут несколько условий, выделю, пожалуй, одно: это — писатели либо совсем — или почти совсем — неведомые публике, неизданные или «забытые», либо прочитанные, по-моему, неточно, а значит, и не совсем верно. «Субъективность»? Конечно. Однако о «объективности» в литературе делать нечего.

И еще, я, как правило, не беру за то, что и без меня делают и могут сделать. Исключений наперечет. Скажем, тот же Хлебников. Мне было очень интересно — вместе с Сергеем Бирюковым — прочитать его так, как, на наш взгляд, до сих пор не очень-то и читали...

— Кем вы себя все-таки считаете: поэтом, литературоведом, эссеистом, графиком?

— Я никогда не входил ни в какие «кружки» и «группы», был сам по себе. Не потому, что сильно стремился к этому, — так сложилось. Все экзамены в жизни я уже сдал. И занимаюсь только тем, чем хочу, что мне нравится, что мне интересно. Никакие корпоративные «нормы», кроме этических, меня не связывают. Литературоведы считают меня поэтом, который иногда как бы вторгается на их территорию и публикует работы по истории литературы. Для многих поэтов я — историк литературы и эссеист, который время от времени пишет стихи. А я могу и тем, и другим говорить то, что о них думаю.

В моей жизни были и есть замечательные читатели, с которыми мне есть, о чем поговорить. «Чего же боле?»

Ну, а на письменные запросы о себе я обыкновенно отвечаю: поэт, историк литературы, эссеист...

Беседовал Исай ШПИЦЕР.
Рисунки В. Перельмутера.